

К семантике русских глагольных циркумфиксов

Олег Сергеевич Волков, Институт языкознания РАН (Россия, Москва),

volkovolek@gmail.com

DOI: 10.31857/S013161170027460-5

АННОТАЦИЯ: Русские глагольные циркумфиксы неоднократно привлекали внимание исследователей. В литературе есть два господствующих направления: ряд авторов рассматривает семантику циркумфиксов в контексте показателей «способов действия», при этом не отделяя их от префиксов. Другие авторы заостряют внимание на том, существуют ли циркумфиксы вообще как единая деривация, или же они являются по сути двумя ступенями словообразования — комбинацией префикса и суффикса; такие авторы обычно не рассматривают детально семантику циркумфиксов.

В этой статье мы рассматриваем русские глагольные циркумфиксы с другого ракурса; мы анализируем их семантику с точки зрения типологии аспекта (глагольного вида) — при этом отталкиваясь от их двухкомпонентной структуры. Такой подход позволяет сделать некоторые выводы относительно морфологического статуса и семантики всех русских глагольных циркумфиксов в целом — как особой конструкции. Мы предполагаем, что русские глагольные циркумфиксы маркируют вхождение в некоторое особое состояние (не тождественное результирующему состоянию), возникшее как следствие деятельности, выраженной корнем. Свойства этого состояния определяются префиксальной частью циркумфикса.

В статье рассматриваются примеры с циркумфиксами *до-* -ся, *на-* -ся и *раз(с)-* -ся, однако выводы могут быть экстраполированы и на другие глагольные циркумфиксы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: циркумфиксы, комплетив, грамматическая семантика, глагольный аспект (вид), глагольные приставки
для цитирования: Волков О. С. К семантике русских глагольных циркумфиксов // Русская речь. 2023. № 4. С. 25–39. DOI: 10.31857/S013161170027460-5.

Issues of Modern Russian Language

On the Semantics of Russian Verbal Circumfixes

Oleg S. Volkov, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow),
volkovolek@gmail.com

ABSTRACT: Russian verbal circumfixes have been a topic of interest among linguists for a while now, with different approaches taken to their analysis. While some researchers consider semantics of the circumfixes in conjunction with Aktionsart prefixes, others debate whether circumfixes should be treated as a combination of a prefix and a suffix or as distinct single-piece derivations, thus questioning their status as derivations. These authors often do not dive deep into the semantics of the analyzed circumfixes, focusing more on the formal morphological issues.

In this paper, I propose a different perspective by examining the aspectual semantics of Russian verbal circumfixes in a typological context.

Having analyzed the two-component structure of circumfixes, the article argues that circumfixes convey semantics of getting into a certain state (distinct from the resulting state) as a consequence of the activity encoded by the verbal root. The properties of this particular state are determined by the prefixal part of the circumfix. The study focuses on three specific circumfixes, namely *do-...-sja*, *na-...-sja*, and *raz-...-sja*, but the analysis also extends to other verbal circumfixes.

This paper contributes to our understanding of the grammatical semantics of Russian verbal circumfixes and their morphological status as a distinct

construction. The findings shed light on the aspectual semantics and the role of prefixal parts in determining the meaning of Russian verbal circumfixes.

KEYWORDS: circumfixes, completive aspect, grammatical semantics, verbal aspect, verbal prefixes

FOR CITATION: Volkov O. S. On the Semantics of Russian Verbal Circumfixes. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2023. No. 4. Pp. 25–39. DOI: 10.31857/S013161170027460-5.

1. Введение

Когда речь заходит о циркумфиксах, префиксальная и суффиксальная часть которых совпадает с имеющимися в языке префиксами и суффиксами, естественным образом возникает вопрос: сколько перед нами аффиксов — один или два; циркумфикс — или сочетание префикса и суффикса. Так, в примере (2) перед нами результат двух последовательных дериваций — а (1) мы считаем результатом применения циркумфикса:

- (1) *Серёжа раз-орал-ся*¹.
- (2) *Стакан раз-бил-ся*.

Для разграничения этих явлений удобно было бы считать циркумфиксами морфемы, в которых нельзя опустить ни префиксальную, ни суффиксальную часть — иначе получатся не грамматичные слова: *раз-орал-ся* (как кажется, не существует ни **разорал*, ни **орался*), аналогично *за-сидел-ся*, *на-пил-ся* и т. п.

Отметим, однако, что при таком подходе возникают сразу несколько проблем. Во-первых, теоретически можно вообразить сценарий, когда при двух последовательных деривациях мы получаем грамматичное слово — но при этом, если убрать вторую деривацию, грамматичность теряется. Некоторым аналогом здесь являются связанные корни: например, корни в словах *поднять* и *разнять* без префиксов не употребляются, но оба эти слова явно морфологически производны. Такую же логику можно было бы предложить и для *разорался*: **разорал*, не употребляясь самостоятельно, тем не менее признается производящим элементом для *разорался*.

¹ Примеры без ссылок принадлежат автору.

Во-вторых, и для слов типа *разорался, засиделся, напился* можно при должном усердии найти возможные употребления без префиксальной или суффиксальной части:

- (3) *После пива этот слоган **орался** особенно хорошо;*
- (4) *Словом, у него какое-то одеревенение душевное; бывает, что когда «засидишь» ногу, так потом ее совсем не чувствуешь, — она занемела. Так же он «засидел» душу (К. И. Чуковский. Дневник. 1904);*
- (5) *Морозов в одном из московских ресторанов провел два дня в безудержной попойке и всего **напил** и **наел** на сумму свыше 600 рублей (Дело Морозова (31.03.1912) // Московские ведомости. 1912).*

В-третьих, если циркумфикс в языке все-таки существует как отдельная деривация с собственной семантикой, то сфера его сочетаемости не должна напрямую зависеть от того, существуют ли в языке слова с тем же корнем и префиксом, совпадающим с префиксальной частью циркумфикса (или суффиксом, совпадающим с суффиксальной его частью). То есть, скажем, *доигрался* — при наличии в языке циркумфикса *до- -ся* — следует в любом случае считать образованным напрямую от *играть*, а не от *доиграть*. Косвенным образом это подтверждает существование омонимичных словоформ, образованных разными способами: *мыл* > *мылся* > *домылся* ‘продолжил и закончил мыться’ — и *мыл* > *домылся* ‘мыл и получил отрицательный результат’.

Чтобы определить, в каких словах мы все-таки видим именно циркумфиксы, можно было бы исходить из значений — и признавать циркумфиксами только аффиксы с особой семантикой. Но при таком подходе появляется другой спектр проблем: эту семантику нужно тщательно описать; она явно будет связана с семантикой префиксальной и суффиксальной части циркумфикса, и это затруднит определение словообразовательных цепочек. Тем не менее попробуем пойти по этому пути.

В данной статье мы не будем описывать семантику циркумфиксов во всей полноте, ограничимся лишь некоторыми наблюдениями. Учитывая проблемы, обозначенные выше, для удобства дальнейшего изложения просто приведем примеры, в которых, по нашему мнению, встречаются глагольные циркумфиксы; именно такие употребления и рассматриваются далее в статье:

- (6) *Только замуж не торопилась, все думала — погуляю еще... Вот и **догулялась**. Полюбила своего Васю огромной смертельной любовью (И. Грекова. Перелом. 1987);*
- (7) *— Решил, что он и тут — солист. **Заигрался** мальчик. Полез исполнять главную роль и — сгорел (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын. 2014);*

- (8) *Ему даже стало стыдно за то, что он сейчас вдруг так распелся* (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 2. 1978);
- (9) *Уработайся за день да и спи себе без задних ног* (Б. Евсеев. Евстигней // Октябрь. 2010).

Русским глагольным циркумфиксам посвящена обширная литература, см., например, соответствующие разделы в [Бондарко, Буланин 1967], [Зализняк, Шмелёв 2000], а также статьи [Ю 2002], [Ю 2002a], [Недолужко, Хорошкина 2014] и др. В этих работах циркумфиксы признаются особыми конструкциями, выражающими повышенную интенсивность ситуации; разные циркумфиксы, по мнению авторов, выражают разные грани этой интенсивности. Циркумфиксы при этом рассматриваются вместе с префиксами как показатели различных «способов действия» — и обычно не отделяются от них, несмотря на свой особый морфологический статус.

Заметим, однако, что циркумфиксы могут менять видовые характеристики и актантную структуру (модель управления) предиката, и этумену вряд ли можно свести к семантике интенсивности. Также сама структура циркумфиксов располагает к тому, чтобы описывать их значения через комбинацию значений префиксальной и суффиксальной частей, а не просто подходить к ним как к монолитной конструкции.

Попытка учесть это производится в [Зевахина 2007] и [Киселёва, Татевосов 2015]: отмечается, что *-ся* в циркумфиксах выполняет либо реципрокальную функцию (то есть показывает взаимность действия, как в *переглядываться*), либо рефлексивную (то есть направленную на человека, совершающего действие).

Рефлексивная функция при этом несколько вторична, вспомогательна, ее можно было бы назвать автоматической. Поясним на примере: от глагола типа *пить* невозможно образовать предикат *напить* — потому что в семантике *пить* нет однозначно ожидаемого результата. У глагола *напить*, таким образом, семантика получается неясной — и в *напиться* с помощью рефлексивного суффикса она проясняется.

Таким образом, деривация циркумфиксов происходит в два этапа — на первом в структуру добавляется префикс, на втором — суффикс; авторы предлагают считать это двумя последовательными деривациями.

Однако представляется, что в некоторых случаях в семантике производящего глагола присутствует указание на ожидаемый результат — и соответственно автоматическое добавление циркумфикса не требуется:

- (10) *Закрывал форточку шваброй. Дозакрывался — разбил стекло.*

Эту мысль подкрепляет то, что многие приставочные дериваты от глаголов, от которых образуются циркумфиксы, вполне грамматичны:

- (11) *допрыгать* — **допрыгаться**;
(12) *наговорить* — **наговориться**.

Против того, чтобы считать *-ся* в циркумфиксах рефлексивным, говорит и такое соображение: у некоторых глаголов с циркумфиксами возможна омонимичная пара с действительно рефлексивным *-ся*. Так, глагол *умылся* может использоваться в двух смыслах ('умыл себя' и, более маргинально, 'так долго мыл, что замучался' — ср. ту же модель в *уроботался*).

Далее мы попробуем рассмотреть русские глагольные циркумфиксы как одну особую конструкцию. Вслед за [Зевахина 2007] и [Киселёва, Татевосов 2015] мы будем рассматривать сразу все циркумфиксы — однако акцент буден сделан не на морфологическом статусе, а на семантике этой конструкции — с учетом ее двухкомпонентности.

2. Русские глагольные циркумфиксы как конструкция с особой семантикой

2.1. Семантика циркумфиксов

Как было отмечено выше, циркумфиксы влияют на акциональность и актантную структуру предиката: предикат, маркированный циркумфиксом — непереходный, его акциональный класс — событие или предельный процесс (*achievement* или *accomplishments* по [Vendler 1957]), см. *наелся*:

- (13) *Серёжа ел борщ тарелку за тарелкой и наконец **наелся***.

Циркумфиксы маркируют вхождение в некое состояние; при этом важно, что это не результативное состояние. На субъекте в примере (13) накапливаются некие свойства, однако деятельность субъекта (поедание супа) не обязана прекратиться с вхождением в это состояние. Более того, в примере (14) подразумевается обратное, говорить Сережа явно не заканчивал:

- (14) *Серёжа **разговорился***.

Представляется, что циркумфиксы обозначают вхождение в какое-то особое состояние, связанное с накоплением некоторых свойств на субъекте

и потерей им контроля. Для каждой приставки характерен свой набор свойств (примерно это имеется в виду в традиционной литературе под различными типами «интенсивности», выражаемыми циркумфиксами). Таким образом, вклад префиксальной части циркумфикса в семантику состоит в том, что она задает акциональность и специфицирует тип вхождения в состояние; существенно, что такие употребления у приставок бывают и без постфикса, ср. примеры (а) и (б) в (15)–(17); такие же пары можно привести и для остальных приставок.

- (15) а. **Зачитать** книгу до дыр.
б. **Зачитаться** до темноты.

- (16) а. **Допить** стакан.
б. **Допиться** до чёртиков.

- (17) а. **Разговорить** гостя.
б. **Разговориться**.

Постфикс *-ся* в циркумфиксах отвечает за общее понижение переходности клаузы, по [Норрег, Thompson 1980]. В результате этого ее субъект теряет агентивность; такая функция аналогична *-ся* в глаголах типа *взялся* и *решился*. При этом субъект клаузы не обязательно является субъектом нового состояния; это состояние не определено и зависит от прагматического контекста.

- (18) [Ребенок трех лет очень хочет поиграть в мытье посуды и помыть старинный хрустальный бокал, отец ему это запрещает.] — *Ну что, домылся?*

Так, можно предположить, что ребенок упал со стула и ударился (в таком случае он действительно субъект нового состояния); ребенок разбил бокал (в таком случае субъект состояния — бокал); бокал вымыт, но вся кухня в воде и следах мыла; кухня цела, но ребенок попал кошке в глаз мылом, и т. д. и т. п. Таким образом, мы предлагаем считать *-ся* в циркумфиксах не рефлексивным (как в [Зевахина 2007] и [Киселёва, Татевосов 2015]), а именно показателем понижения переходности в широком смысле.

Итак, наше определение семантики русских глагольных циркумфиксов можно сформулировать так: глагольные циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем.

Рассмотрим далее некоторые примеры с разными приставками более подробно.

2.2. Циркумфикс до- -ся

Семантике русских приставок посвящена обширная литература — помимо уже вышеназванных работ стоит отметить [Meľčuk 1987], [Волохина, Попова 1993], [Кронгауз, Пайар 1997], [Кронгауз 1998], [Добрушина и др. 2001], [Янда 2012] (список далеко не полный). Несмотря на все это многообразие, кажется, что значения каждой приставки настолько комплексные и нерегулярные, что описать их с необходимой полнотой в рамках данной статьи не получается (и, соответственно, не получается с необходимой полнотой описать значения циркумфиксов). Мы и не ставим такой задачи — к семантике приставок мы подходим очень грубо и импрессионистично; нам важно, как семантика каждой конкретной приставки проявляется в семантике соответствующего циркумфикса — без детализации.

Одно из значений приставки до- — окончание деятельности, выраженной корнем. С предельными процессами приставка маркирует именно комплетив — достижение логического предела, а не терминатив — простое окончание деятельности. С непредельными процессами приставка до- может выражать терминатив, а может функционировать как некий ограничитель, вводящий в ситуацию логический предел.

Отметим также, что при употреблении с предлогом до приставка до- перестает маркировать конец деятельности, выраженной корнем; в примере (19) не содержится указаний на то, что ребенок перестал мыть руки — суть в появлении особого результата.

(19) [Мощный руки ребенок жалобным тоном:] — *Я руки уже до дыр домыл!*

Вернемся к циркумфиксу до- -ся. Получается, что приставка до- практически не привносит в данное выше определение циркумфиксов новой семантики; ведь ее значение уже в нем присутствует. Эффект, который маркирует до-, может совпадать с логическим пределом — как в до-гадал-ся или в до-звонил-ся. В сочетании с предлогом до пропадает указание на то, что деятельность, выраженная корнем, закончилась (как мы это видели в (19)); так, в примере (20) Костя вполне может продолжать смотреть на Нину:

(20) *Нина смотрела на воду, Костя сбоку разглядывал ее. И досмотрелся до того, что забыл неловкость и крепко прижал ее руку к своему боку, Нина повернулась к нему...* (В. Шукшин. Хахаль. 1969).

Таким образом, вклад до- в семантику циркумфикса по сути сводится к смене акционального класса. В итоге циркумфикс до- -ся, как кажется, имеет очень широкую сочетаемость — и очень размытое значение,

зачастую ясное только в широком контексте. Что именно произошло в примере (21) — можно только догадываться².

(21) *Петя прыгал-прыгал и допрыгался.*

Обратим внимание, что схожая семантика — наступление некоего эффекта в ходе деятельности, выраженной корнем, — может быть выражена и без циркумфиксов, с помощью особой интонации, частиц и других дискурсивно нагруженных элементов, см. пример (22).

(22) [Ребёнок яростно прыгал на батуте, порвал батут и разбил коленку.] — Ну что, **попрыгал?**

Однако если в (22) такое значение передается имплицитно, то для циркумфиксов (как в (21)) оно является частью денотативной семантики.

2.3. Циркумфикс *на- -ся*

Циркумфикс *на- -ся* — один из самых подробно описанных в литературе. Обычно отмечается, что он маркирует так называемый «сатуративный способ действия» — то есть действие до полного насыщения (см., например, [Зализняк, Шмелёв 2000: 116]). Действительно, если рассмотреть (23), мы обнаружим, что на субъекте накапливался некий эффект — вплоть до полного его насыщения:

(23) *Серёжа наелся и напился.*

Однако если мы возьмем другие глаголы — скажем, *начитался*, *накупался*, *наплакался*, *набегался*, говорить о насыщении будет уже менее удобно; см. пример (24):

(24) — Ты на содержании у него! Ты содержанка! — выпалил Алик и испугался, что Галка даст ему по щеке. Но она уже овладела собой. — **Начитался ты, Алик, западной литературы, — криво улыбнулась она и пошла прочь** (Василий Аксенов. Звездный билет. 1961).

Здесь толкование ‘Алик насытился чтением западной литературы’ выглядит слишком метафоричным.

В примере (25) толкование через ‘насыщение субъекта’ кажется еще менее возможным:

(25) *На вас пирогов не **наготовишься!***

² Лексема *допрыгаться* может иметь и идиоматизированное употребление — с нулевым значением корня, никак не связанное с прыганием. В таких употреблениях семантика циркумфикса *до- -ся* проявляется особенно наглядно. Мы благодарим анонимного рецензента за это замечание.

Попробуем объяснить эти употребления с помощью данного нами выше определения: циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем. Для этого нам необходимо, пусть и упрощенное, описание семантики приставки *на-*. Одно из значений приставки *на-* связано с «накоплением результата» (так называемый «кумулятивный способ действия», см., например, [Зализняк, Шмелёв 2000: 114]). Так, в примере (26) Петя ‘накопил’ у себя какое-то количество еды, рыбы и дров:

(26) *Петя наловил рыбы, накупил еды и натаскал дров.*

Заметим, что в (26) ‘накапливаются’ объекты предикатов. Если же взять предикаты без прямого объекта (непереходные глаголы), типа *намусорить*, *натоптать* и *надышать*, то накапливаться будет некий семантический объект ситуации — в данном случае мусор, грязные следы, углекислый газ.

Попробуем проецировать это толкование на данное нами выше определение значения циркумфикса. Получается, что семантика *на-* *-ся* — вхождение в состояние, которое наступает в результате накопления семантического объекта ситуации. Важное отличие семантики циркумфикса от семантики отдельной приставки — наступление нового состояния — то есть получается, что накопление дает какой-то значимый эффект, причем отражается он не обязательно именно на субъекте ситуации.

Пример (23) в таком случае имеет следующее толкование: ‘Петя пил и ел, это произвело эффект, и Петя пришел в некоторое новое состояние’. (24) — ‘в результате чтения зарубежной литературы Алик пришел в такое состояние, что назвал Галку содержанкой’. (25) — ‘сколько пироги ни готовь, не удалось достигнуть такого состояния, чтобы накопить их достаточно’.

Заметим, что в употреблениях типа (25) *на-* *-ся* особенно часто встречается с отрицанием, см. (27) и (28).

(27) *Пробовал тушить, так котелочком не натаскаешься воды...* (Марина Марина. Витька-колдун // Дальний Восток. 2019).

(28) *Да и продуктов на всю жизнь не накупишься...* (Неделя. Письма // Огонек. 2015).

Возможно, причина этого чисто прагматическая — если бы в (27) и (28) удалось достичь эффекта, то говорящий использовал бы какие-то другие конструкции с другими предикатами; с отрицанием же циркумфикс вводит своеобразный предел, который в итоге так и не был достигнут.

Но важно также, что семантическая разница между *на-* и *на-* *-ся* в некоторых контекстах настолько тонкая, что в речи носителей эти конструкции вполне могут взаимозаменяться.

2.4. Циркумфикс *раз(с)-* *-ся*

Приставка *раз(с)-*, как кажется, становится предметом отдельных исследований не так уж и часто. Для этой приставки (как, впрочем, и для других русских приставок) характерна очень развитая полисемия — в [Мусинова 2003] для нее выделяется 12 значений и 33 подзначения.

Циркумфикс *раз(с)-* *-ся* описывается исследователями как регулярный: в [Зализняк, Шмелёв 2000: 118] отмечается, что он маркирует «эволютивный способ действия» — «конечную фазу постепенного нарастания интенсивности действия и, как следствие, достижение высокой степени реализации некоторого состояния». В качестве примеров приводятся глаголы *разболеться*, *распеться*, *разговориться*, *разбегаться* и другие.

Нам кажется, однако, что группа этих глаголов неоднородна — ее можно разделить как минимум на две, в соответствии с разными значениями префикса *раз-*. Так, глаголы типа *разораться* и *разбегаться* не обязательно подразумевают постепенное нарастание интенсивности — в примерах типа (29) важна в первую очередь просто высокая степень интенсивности, без указания на ее нарастание:

(29) — *И не надо так орать в микрофон свой, разоралася...* (Виктория Дергачёва. Монологи // Сибирские огни. 2013).

Такие употребления легко описываются с помощью данного нами выше определения, согласно которому циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем. Будем считать, что семантика *раз(с)-* тут аналогична семантике этого префикса в глаголах типа *расстелить* [*скатерть*] или *разрисовать* [*стену*]. Как представляется, в таких околопространственных употреблениях *раз(с)-* выражает (опять же, говоря очень упрощенно) разнонаправленность — или полный охват пространства. Тогда получается, что в примере (29) мы имеем следующее толкование: ‘в результате ора в микрофон наступило такое состояние, что этот ор заполнил всё пространство’. Отсюда возникает и семантика интенсивности.

Однако глаголы типа *разболеться*, *распеться* и *расплакаться* сложно объяснить по такой модели. В самом деле, если *разболеться* еще может

быть истолковано как ‘особое состояние, достигнутое в результате болезни’, а *распеться* как ‘особое состояние, достигнутое в результате пения’ — то *расплакаться* не возникает в результате плача — и получается, что деятельность, обозначенная корнем, которая, согласно данному нами определению, приводит к новому состоянию, возникает только после наступления этого состояния. Такая же трактовка кажется более вероятной и для некоторых употреблений *разболеться* и *распеться* — болезнь и пение начинаются только когда субъект разболелся и распелся, но не раньше этого.

Данное затруднение легко снимается, если обратиться к таким употреблениям приставки *раз-*, как *развеселить* или *разыграть [ребенка]* в контекстах типа (30). Употребления эти близки к каузативным — так, в (30) субъект каузирует ребенка играть (т. е. делает так, чтобы ребенок играл):

(30) *Не разыгрывай ребёнка, ему скоро спать!*

Такая трактовка *раз(с)-* подходит и для *расплакаться*, *разболеться* и *распеться*: ‘особое состояние, которое возникло в результате того, что субъект каузирован плакать, болеть и петь’.

3. Заключение

Мы показали, что при описании семантики и морфологического статуса русских глагольных циркумфиксов разумно подходить к ним как к особой диахронически производной конструкции с инвариантом семантики, который можно сформулировать так: глагольные циркумфиксы обозначают вхождение в особое состояние (заданное приставкой), возникшее как следствие деятельности, обозначенной корнем. Для нас в данной статье важны не столько семантические тонкости русских префиксов, сколько то, что представленное определение одинаково хорошо описывает все русские циркумфиксы — а разница значений сводится к разнице семантики их префиксальных частей. Для детального описания семантики циркумфиксов необходимы дальнейшие исследования русских приставок.

Сформулированное нами значение близко к семантике комплетива — однако, как мы отмечали выше, циркумфиксы обозначают вхождение не в результирующее состояние, а в некоторое особое состояние, не обязательно тождественное результирующему. Представляется, что поиск подобных показателей в языках мира и определение их места в семантической зоне при описании глагольного вида были бы очень полезны для грамматической теории.

Литература

- Бондарко А. В., Буланин Л. Л. Русский глагол. Л.: Просвещение, 1967. 190 с.
- Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки: семантическое устройство, системные отношения. Воронеж: изд-во Воронеж. ун-та, 1993. 196 с.
- Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. 270 с.
- Зализняк Анна А., Шмелёв А. Д. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки славянских культур, 2000. 221 с.
- Зевахина Н. А. Циркумфиксы как показатели актантной деривации // Структуры и интерпретации: Работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике / Под ред. Ф. И. Дудчука, Н. В. Ивлиевой, А. В. Подобреева. Москва: изд-во Московского Университета, 2007. С. 64–85.
- Киселева К. Л., Татевосов С. Г. Гулял – нагулял – нагулялся. Заметки о структуре префиксально-постфиксальных глаголов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам конференции Диалог-2015. Т. 14. М.: Изд-во РГГУ, 2015. С. 272–283.
- Кронгауз М. А. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Шк. «Языки рус. Культуры», 1998. 286 с.
- Кронгауз М. А., Пайар Д. Глагольная префиксация в русском языке / Отв. ред. и состав. М. А. Кронгауз, Д. Пайар. М.: Русские словари, 1997. 220 с.
- Мушинова Т. В. Семантическое описание русской глагольной приставки *раз-* // Труды международной конференции Диалог-2003. М., 2003. С. 455–457.
- Недолужко А. Ю., Хорошкина А. С. «Вчера насочинялся ворох строк»: Productive circumfixal intensifying patterns in Russian // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам конференции Диалог-2014. Т. 1, № 1. М.: Изд-во РГГУ, 2014. С. 449–460.
- Ю Чул Чжон. Пространственные и непространственные значения конфикса *раз- -ся* // Исследования по теории грамматики. Вып. 2. М., 2002. С. 295–331.
- Ю Чул Чжон. Семантическое описание русского глагольного конфикса *на- -ся*. // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2002а. Вып. 21. С. 24–41.
- Янда Л. А. Русские приставки как система глагольных классификаторов // Вопросы языкознания. 2012. № 6. С. 3–47.
- Nopper P. J., Thompson S. Transitivity in grammar and discourse // Language, vol. 56, 1980, pp. 251–299.
- Mel'čuk I. Un affixe derivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne // Revue des Études Slaves, 1987, vol. 59, pp. 631–648.
- Vendler Z. Verbs and times // The philosophical review, 66 (2), 1957, pp. 143–160.

References

- Bondarko A. V., Bulanin L. L. *Russkii glagol* [Russian verb]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1967. 190 p.
- Dobrushina E. R., Mellina E. A., Paiar D. *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo* [Russian prefixes: polysemy and the semantic unity]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 2001. 270 p.
- Hopper, P. J., Thompson, S. Transitivity in grammar and discourse. *Language*, vol. 56, 1980, pp. 251–299.
- Kiseleva K. L., Tatevosov S. G. [*Gulyal' – 'nagulyal' – 'nagulyalsya*: Towards the structure of prefix-postfix verbs]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam konferentsii Dialog-2015* [Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the Dialogue-2015 conference]. V. 14. Moscow, RSUH Publ., 2015, pp. 272–283. (In Russ.)
- Krongauz M. A. *Pristavki i glagoly v russkom yazyke: semanticheskaya grammatika* [Prefixes and verbs in Russian: the semantic grammar]. Moscow, Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury" Publ., 1998. 286 p.
- Krongauz M. A., Paiar D. *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke* [Verbal prefixation in Russian]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1997. 220 p.
- Mel'čuk I. Un affixe derivationnel et un phrasème syntaxique du russe moderne. *Revue des Études Slaves*, 1987, vol. 59, pp. 631–648.
- Musinova T. V. [Semantic description of Russian verbal prefix *raz-*]. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii Dialog-2003* [Proceedings of the international conference Dialogue-2003]. Moscow, 2003, pp. 455–457. (In Russ.)
- Neduluzhko A. Yu., Khoroshkina A. S. "Vchera nasochinyalsya vorokh strok": Productive circumfixal intensifying patterns in Russian. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam konferentsii Dialog-2014* [Computational linguistics and intellectual technologies: Based on the materials of the Dialogue-2014 conference]. V. 1, no. 1. Moscow, RSUH Publ., 2014, pp. 449–460. (In Russ.)
- Vendler Z. Verbs and times. *The philosophical review*, 66 (2), 1957, pp. 143–160.
- Volokhina G. A., Popova Z. D. *Russkie glagol'nye pristavki: semanticheskoe ustroistvo, sistemnye otnosheniya* [Russian verbal prefixes: semantics and distribution]. Voronezh, Voronezh Univ. Publ., 1993. 196 p.
- Yanda L. A. [Russian prefixes as verbal classifiers]. *Voprosy yazykoznaniiya*, 2012, no. 6, pp. 3–47. (In Russ.)
- Yu Chul Chzhon. [Spatial and non-spatial semantics of *raz-* *-sya* confix]. *Issledovaniya po teorii grammatiki* [Research on grammar theory]. V. 2. Moscow, 2002, pp. 295–331. (In Russ.)
- Yu Chul Chzhon. [Semantic description of the Russian *na-* *-sya* confix]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya: Sb. statei / V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (ed.)* [Language, consciousness,

communication: Col. of articles / V. V. Krasnykh, A. I. Izotov (eds.)). Moscow, MAKS Press, 2002a, v. 21. pp. 24–41. (In Russ.)

Zaliznyak, Anna A., Shmelev, A. D. *Vvedenie v russkuyu aspektologiyu* [Introducing Russian aspectology]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2000. 221 p.

Zevakhina N. A. [Circumfixes as markers of the valence change]. *Struktury i interpretatsii: Raboty molodykh issledovatelei po teoreticheskoi i prikladnoi lingvistike. F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, A. V. Podobryaev (red.)* [Structures and Interpretations: Works of Young Researchers in Theoretical and Applied Linguistics. F. I. Dudchuk, N. V. Ivlieva, A. V. Podobryaev (eds.)]. Moscow, Moscow St. Univ. Publ., 2007, pp. 64–85. (In Russ.)